

авторов и исследователей) / сост. Е.И. Соколова ; под общ. ред. Н.А. Селивановой. М.: Пед. о-во России, 1998.

4. Иванова М.В. Воспитание и вузовский образовательный процесс. Томск, 2003.

5. Подлиняев О.Л., Федотова Е.Л., Косонова А.С. Некоторые подходы к проблеме становления личности в педагогике. Иркутск, 1997.

УДК 81.373

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПЕЧАЛИ В МОДУСЕ НАБЛЮДАТЕЛЯ

*Т.И. Семенова, д-р филол. наук
ИГЛУ, Иркутск*

Л.О. Трушкова, соискатель
БрГУ, Братск*

В статье на материале английского языка рассматривается языковая концептуализация эмоционального состояния печали в модусе наблюдателя. Выделяются синтаксические конструкции, когнитивные метонимические и метафорические модели, характерные для данного типа описания.

Ключевые слова: когнитивная модель, концептуализация, модус, эмоциональное состояние.

Изучение проблемы взаимосвязи языка и эмоций становится все более актуальным. Эмоции являются мотивационной основой сознания, мышления и социального поведения и представляют собой разновидность человеческих страстей, которые пронизывают все сферы жизни человека и отражаются на всех уровнях языка. Как отмечает В.И. Шаховский, «ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации/импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Именно язык формирует эмоциональную карти-

ну мира представителей той или иной лингвокультуры» [1].

В современной лингвистике эмоции рассматриваются в аспекте семиотики и коммуникации, т. е. как опыт не отдельно взятого субъекта, а межсубъектный опыт, который возникает в процессе коммуникации и маркируется специальными вербальными/невербальными знаками. В многочисленных научных исследованиях затрагиваются вопросы теории и семиотики эмоций, их концептуализации и вербализации [2-5 и др.]. Внимание исследователей привлекают как отдельные эмоциональные концепты [6-8 и др.], так и целые области эмоциональной картины мира [2, 9].

Анализ эмоциональных концептов с позиций когнитивно-дискурсивного подхода имеет целью показать, что эмоции как явления психики имеют чрезвычайно сложную концептуальную структуру, ко-

* - автор, с которым следует вести переписку.

торая может быть выявлена путем систематизации языковых выражений, используемых носителями языка для обозначения и представления эмоций.

Дискурсивный анализ языковых средств, объективирующих эмоциональное состояние печали, навел на мысль о двойственности представления исследуемого феномена. Рассмотрим следующие примеры: а) *I had actually been feeling sad since he left, and I was annoyed at myself for it* (Steel⁴, p.102); б) *She looked so sad that it touched his heart* (Steel³, p. 118). В примере а) события внутренней сферы квалифицируются самим субъектом эмоционального состояния печали, о чем свидетельствует употребление предиката *feel*. Пример б) сообщает о перцептивно-когнитивном акте, о точке зрения наблюдателя, с позиции которого описывается состояние печали, о чем сигнализирует наличие предиката *look*. Знание самого субъекта о своем состоянии и интерпретация внешних проявлений наблюдателем отражают возможность языковой концептуализации внутренней сферы человека двумя различными способами: с позиции чувствующего субъекта и с позиции стороннего наблюдателя.

В исследовании мы применяем подход Т.И. Семеновой, который позволяет рассматривать репрезентацию эмоционального состояния печали через «Я»-модусную рамку («изнутри», с точки зрения чувствующего субъекта) и «не-Я» модусную рамку («извне», с позиции стороннего наблюдателя). Это означает, что внутренние состояния в языковой картине мира могут быть представлены двояко – как чувство, переживание и как суждение о том, что индивид испытывает определенное чувство [10]. Под *модусной рамкой*, вслед за Г.А. Золотовой [11], мы понимаем способ восприятия, способ получения информации об окружающей действительности.

Рассмотрим репрезентацию эмоционального состояния печали через «не-Я» модусную рамку.

Эмоциональные состояния представляют собой закрытые от наблюдения фе-

номены. С одной стороны, эмоции относятся к внутреннему миру человека, недоступному восприятию, но, с другой стороны, эмоциональные состояния проявляются вовне – в поступках, мимике, голосе человека. «Не-Я» модусная рамка предполагает взгляд со стороны. В «не-Я» модусной рамке субъект состояния является лицом, отличным от говорящего, это может быть сторонний наблюдатель, в роли которого выступает персонаж или повествователь – наблюдатель.

«Не-Я» модусная рамка актуализируется в художественном тексте в конструкциях с предикатами *seem, appear, look, sound*, ср.: *She appeared nervous and depressed* (Dreiser¹, p. 118); *They were looking frightened and sad* (Steel⁴, p. 112); *Colonel Raven sounded almost distressed* (Innes, p. 59). Данные конструкции сигнализируют о наблюдении внешних признаков эмоции печали. Внутренний эмоциональный мир человека, в отличие от внешнего, материального не воспринимается на слух, он не наблюдаем и не осязаем. Связующим звеном, выводящим внутренние эмоциональные переживания на языковой уровень, являются каналы восприятия (зрение, слух, осязание) и соответствующие им перцептивные модальности: визуальная, аудиальная и кинестетическая. Выбор перцептивного предиката зависит от того, в какой модальности наблюдатель воспринимает действительность. Употребление предикатов *look, appear* свидетельствует о восприятии в визуальной модальности, когда вербальное закрепление получает внешний вид, поведение. Употребление предиката *sound* свидетельствует о восприятии в аудиальной модальности, когда эмоциональное состояние проявляется через аудиальные признаки, и вербальное закрепление получают голосовые проявления.

Средством актуализации «не-Я» модусной рамки являются конструкции с единицами с модальной семантикой *must, may/might, probably*, ср.: *He's probably just tired, and he's probably sad to see you go* (Steel¹, p. 244). Эпистемические единицы со значением предположительности *must*,

may, probably эксплицируют внешнюю позицию говорящего [11]. В таких высказываниях вербализуются рассуждения наблюдателя о воспринимаемых симптомах. Например, в следующем контексте герой, не имея возможности «проникнуть в сознание» собеседника, предполагает, что тот переживает печаль. На языковом уровне предположение лексикализуется наречием *probably*, ср.: Jeff looked at her and sighed. 'You're probably upset with me.' 'Upset! I –' She could not find the words (Sheldon², p. 423). Модальные единицы *may/might* употребляются в том случае, если говорящий обладает ограниченными знаниями о ситуации и выдвигает гипотезу о реальном положении дел, ср.: He might be cruelly wounded and distressed, but, unlike himself, he was neither petty nor revengeful (Dreiser², p. 122). От высказываний, содержащих гипотезу, отличаются высказывания с модальной единицей *must*, которые говорящий формирует на основе косвенных признаков. В этом случае говорящий высказывает предположение, возникшее в результате логических рассуждений и обработки имеющихся данных. В примере ниже косвенными данными о том, что героиня испытывает печаль, являются ее печальные письма, ср.: Her sad letters! How she must have suffered! (Dreiser², p. 312).

Средством актуализации «не-Я» модальной рамки являются конструкции с союзами *as if/as though*, ср.: She looked as though she were about to cry, and then he leaned down and whispered something in her ear which sparkled a smile on her face like a sunburst (Steel³, p.88). Внешние проявления эмоционального состояния печали концептуализируются наблюдателем как симптоматически значимые и получают вербальное закрепление в номинации эмоционального состояния. Употребление союзов *as if/as though* в данном случае указывает на ментальную операцию, произведенную субъектом восприятия над перцептуальной информацией, но ее результат опровергается истинностной оценкой, носителем которой является

повествователь. Союзы *as if/as though* вводят внешнюю точку зрения на внутренний мир человека. В примере ниже наблюдатель интерпретирует определенные особенности поведения персонажа как проявление печали, ср.: 'Awfully nice,' he agreed weakly. He acted as though he were making arrangements for his own funeral (Huxley, p. 171).

«Не-Я» модальная рамка репрезентируется посредством когнитивной метонимической модели «Часть-Целое», ср.: Her voice shook, and she ceased talking, her eyes filling and her lips beginning to quiver. And as swiftly she concealed her face with her hands and turned away, her shoulders shaking as she did so (Dreiser¹, p. 445). Суть метонимической модели «Часть-Целое» заключается в том, что симптомы печали выступают в качестве вторичной номинации эмоционального состояния печали. Физиологический эффект эмоции, таким образом, замещает саму эмоцию. Концептуальная метонимия представляет собой использование какой-либо субкатегории или члена категории для того, чтобы представить категорию в целом [5, 12]. Метонимическая модель эмоции печали формируется на основе внешних проявлений, к которым относятся мимика, пантомимика, голос, дыхание, сердечная деятельность, функции секреторных желез, цвет лица. На основе внешних проявлений печали выделяются мимическая, пантомимическая, голосовая, дыхательная, кардиальная, секреторная и цветовая метонимические модели.

1) *Мимическая модель* представлена номинациями, репрезентирующими выразительные движения лица, глаз, губ, подбородка, ср.: But my mother's expression was what devastated me: a quiet, blank look that said she had lost everything (Kral, p. 35).

2) *Цветовая модель* эмоционального состояния печали номинируется выражениями, описывающими цвет лица, ср.: It hung like a sack on her, and she looked thirty years old, with her hair tied back in a tight bun, and her face deathly pale as she stood beside her father (Steel¹, p.4).

3) *Пантомимическая модель* представлена номинациями поз, движений тела в целом, а также его частей, таких как голова, плечи, руки, ср.: *Finding it to be a feat all too far beyond him, he sank down on the doorstep, and putting his head in his hands, he cried his eyes out* (Bingham, p. 300).

4) *Голосовая модель* репрезентирована такими номинациями, как *trembling; vibrant; cracked; tense; loud; low; tear-strained; lost in sobs; under command; monotonous; flat*, ср.: *'Why are you preaching all this to me?' Lucy said in a louder, upset voice* (Cornwell, p. 71).

5) *Дыхательная модель* основана на концептуализации эмоционального состояния печали как сбившегося дыхания, ср.: *I took a deep, shaky breath, and my voice sounded cracked when I saw him* (Cornwell, p. 385).

6) *Кардиальная модель* основана на том, что у расстроенного человека нарушается ритм сердца, ср.: *My heart wouldn't beat normally, and my breathing was shallow* (Cornwell, p. 386).

7) *Секреторная модель* представлена номинациями, репрезентирующими активность секреторных желез, к которым относятся слезы, пересыхание в горле, ср.: *She swallows hard over a lump in her throat and blinks away tears as she unwraps her straw* (Staub, p. 452).

Средством актуализации «не-Я» модусной рамки являются также и когнитивные метафорические модели, ср.: *Elinor saw with great uneasiness the low spirits of her friend* (Austen, p. 92). В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы метафора выступает как средство отражения знания, которое представляет собой опыт взаимодействия человека с окружающим миром [14]. Все эмоциональные метафоры, т. е. такие метафоры, которые служат средством концептуализации эмоций в языке, имеют общую структуру, а именно, они уподобляют чувство, некое психологическое или душевное состояние, а также его действие на душу и тело испытывающего их существа некоему физическому, материальному феномену [4, 13, 14 и др.]. Эмоциональное состояние пе-

чали репрезентировано через «не-Я» модусную рамку посредством следующих когнитивных метафор:

1) ПЕЧАЛЬ – НИЗ: <...> ; *but poor Edward is so cast down about it! Did not you think him dreadful low-spirited when he was at Barton? He was so miserable when he left us at Longstaple, to go to you, that I was afraid you would think him quite ill* (Austen, p.130). Реплика *'Did not you think him dreadful low-spirited?'* в приведенном примере свидетельствует о том, что некоторые внешние признаки угнетенного морального состояния, заставили говорящего задуматься о внутренних переживаниях другого героя.

2) ПЕЧАЛЬ – ПАДЕНИЕ ВНИЗ: *At once his face fell, his dreams being so thickly clouded over* (Dreiser¹, p. 235). Данная метафора в английском языке зафиксирована фразеологическим сочетанием *smb's face fell*. В данном высказывании лицо персонажа, печально размышляющего над своим убогим происхождением, приобретает унылое выражение, а сторонний наблюдатель описывает мимику героя.

3) ПЕЧАЛЬ – БОЛЬ: *There was sorrow in her eyes, an old deep pain that she hid from the world, but not from him* (Steel³, p. 174). Как явствует из примера, боль во взоре другого человека метафорически осмысливается как переживание печали.

4) ПЕЧАЛЬ – ГОРЕЧЬ: *Bitterness coated Phillip's voice as he took another step toward Sybill* (Roberts, 179). Горечь звучит в голосе персонажа, вынужденного расстаться с любимой, и концептуализируется как переживание печали.

5) ПЕЧАЛЬ – ХОЛОД: *She is frozen in pain, it's written all over her. Something terrible has happened to that girl, and she won't give it up* (Steel², p. 63). О том, что героиня «застыла» в своей печали, и это видно со стороны, свидетельствует употребление в высказывании лексической единицы *to be written over*.

Таким образом, «не-Я» модусная рамка предполагает взгляд на субъект и его характеристики с позиции внешнего наблюдателя. Анализ репрезентации эмоционального состояния печали в художе-

ственных текстах позволил выявить определенные способы языкового представления внешнего проявления переживания печали на синтаксическом уровне. «Не-Я» модусная рамка реализуется в конструкциях с предикатами *seem, appear, look, sound*, в конструкциях с предикатами мыслительной деятельности *think, suppose*, в конструкциях с союзами *as if/as though* и модальными единицами *must, may, probably*, а также посредством когнитивных метонимических и метафорических моделей.

Литература

1. Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянской культуры, 2009. С.671-683.
2. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001. 498 с.
3. Рябцева Н.К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий : сб. науч. ст. М., 1994. С.82-92.
4. Kövecses Z. Emotion Concepts // Springer Verlag. - Frankfurt-am-Main, 1990. P. 34-56.
5. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1990. 614 p.
6. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
7. Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 214 с.
8. Озонова Л.Г. Репрезентации фрейма «радость» в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 161 с.
9. Стефанский Е.Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского

языков) : автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 44с.

10. Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 237 с.
11. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2004. 544 с.
12. Taylor J. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford: Clarendon Press, 1985. 309 p.
13. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago&London: The University of Chicago Press, 2003. 276 p.

Список источников примеров

1. *Austen J.* Sense and Sensibility. London: Penguin Books Ltd, 1994. 374 p.
2. *Bingham C.* Distant Music. London: A Bantam Book, 2002. 575 p.
3. *Clark M.H.* Let Me Call You Sweetheart. New York: Pocket Books, 2003
4. *Cornwell P.* Point of Origin. New York: Berkley Books, 1999. 397 p.
5. *Dreiser T.* An American Tragedy Dreiser. Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1951. Vol. I. 606 p.
6. *Dreiser T.* An American Tragedy. Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1951. Vol. II. 402 p.
7. *Huxley A.* Crome Yellow. London: Penguin Books Ltd., 1964. 174p.
8. *Kral T.* Being People. Washington, D.C.: English Language Programs Division, United States Information Agency, 1999. 234 p.
9. *Roberts N.* Inner Harbor. New York: Jove Books, 1999. 342p.
10. *Sheldon S.* Tell Me Your Dreams. Warner Books, New York, 1995. 461 p.
11. *Staub W.C.* Don't Scream. New York: Zebra Books, 2007. 476p.
12. *Steel D.* Loving. London: Sphere Books Ltd., 1981. 307p.

13. *Steel2, D. Malice.* New York: Bantam Doubleday Dell Publishing Group, 1996. 406 p.

14. *Steel3 D. Going Home.* London: Sphere Books Ltd., 1981. 316 p.

15. *Steel4 D. Lone Eagle.* A Gorgi Book, Sydney, Australia, 2002. 645p.

УДК 371

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ

*А.В. Смоляк, соискатель
департамента образования г. Братска*

В статье рассматривается проблема организации повышения информационно-методологической компетентности педагогических кадров с учетом различных параметров: возраста, стажа, преподаваемой дисциплины.

Ключевые слова: методологические основания деятельности педагога, праксеология, психологические барьеры, личностная направленность.

Повышение квалификации педагогов – одно из важных и актуальных направлений современной системы образования. Качество образования напрямую зависит от качества подготовки и переподготовки педагогических кадров. На современном этапе развития педагогической науки разработано достаточно большое количество различных моделей организации учебного процесса по повышению квалификации, проведены исследования по проблемам обучения взрослых, предложены разнообразные системы компетентностей специалистов.

Одна из таких классификаций предусматривает пять важных групп компетентностей для педагогов: информационно-методологические, теоретические, методические, социально-коммуникативные, личностно-валеологические [1].

Информационно-методологическая компетентность – относительно новое направление требований к педагогу, возникшее в результате развития процессов информатизации, глобализации, ускорения роста научных знаний, и, в частности, появления таких новых областей,

как методология практической деятельности, педагогическая праксеология и педагогическое проектирование.

Две категории, лежащие в основе данной компетентности – методология и информация. Они представляют собой взаимосвязанные и взаимодополняющие направления в работе учителя, определяющие практически все грани и особенности педагогической деятельности.

Содержание данной компетентности предъясвляет ряд особенностей к процедуре повышения квалификации. К примеру, одним из существенных препятствий к развитию и совершенствованию информационно-методологической компетентности выступает наличие у учителей психологического барьера восприятия содержания таких важных, но абстрактных по содержанию понятий, как методология, философия, диалектика, общенаучные концепции и т. п.

Специфика данной компетентности заключается также в том, что она затрагивает основополагающие, фундаментальные моменты педагогической работы. От уровня развития данной компе-